Мои
КРЫЛЬЯ
НАТАЛЬЯ РУЧЕЙ

Наталья Ручей
Мои крылья

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37407802
SelfPub;

Аннотация

Ради сына я готова на все, даже на сделку со своим личным кошмаром. С тем, от кого я сбежала сразу после безумной и жаркой ночи. С демоном… и отцом моего ребенка.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 20
Глава 3 39
Глава 4 55
Глава 5 73
Конец ознакомительного фрагмента. 81

Наталья Ручей
Мои крылья

Глава 1

Я уже закончила работу и собиралась уходить из замка герцогини, когда услышала горн и перезвон серебряных колокольчиков на главной площади.

– Говорят: демона поймали, – шепнула мне Эбби.

Невольно вздрогнув, я не стала спрашивать, откуда такие вести. В замке мало кто замечает прислугу, и почти нет тех, кто снисходит до общения с ней. Думаю, отчасти из-за этого Эбби и любит подслушивать. В служанках она пять или шесть лет, точно не знаю: иногда она сама путается в датах. Но в любом случае это долгий срок. А если у кого-то недостаток общения, он пытается его компенсировать. Думаю, подслушивание помогает Эбби чувствовать себя сопричастной к событиям и рассказчику.

За почти год, что я работаю в замке, мне самой приходилось общаться только с Эбби и Мартой, да и то потому, что Эбби часто ставили со мной на один участок работы, а Марта – старшая служанка, которая и распределяла задания. Я знала, что в замке помимо нас около двадцати слуг, но даже видела не всех. Когда Марта брала меня на работу, она сра-

зу сказала, что болтливость и дружба прислуги между собой не запрещена, но не приветствуется, и вообще ей больше по душе немые, но раз уж мне с этим не повезло, сойдет и просто молчаливая. На последнем делался явный акцент в придачу со строгим взглядом прищуренных глаз, а иначе двери замка открыты.

Я спорить не стала. Во-первых, уже несколько месяцев была без работы: не так-то просто устроиться в Анидат без рекомендаций, а мне мастеровой в отместку за отказ стать его любовницей не то что рекомендаций, даже честно заработанного за последние два месяца не отдал. Мой же предыдущий работодатель, у которого я проработала почти девять лет, скоропостижно скончался. Его родственники горевали, что он не озаботился завещанием, и теперь их ждет грызня за наследство, так что не мне сетовать на отсутствие от него каких-то рекомендаций. Во-вторых, у меня маленький сын, которого я растила одна. А в-третьих, я не из болтливых, так что возмущения у меня условия Марты не вызвали. Так даже лучше. Я не хотела ни с кем сближаться.

Работа в замке была тяжелой, но я быстро втянулась. Да, приходилось вставать с рассветом, но для того, кто любит солнце, это не сложно. К тому же, Марта не была деспотом, и если я раньше справлялась с работой, которую она обозначила на день, то отпускала без уговоров. А для меня такие поблажки едва ли не важнее прибавки к жалованию.

Вот и сейчас: был только полдень, но я и Эбби уже вымы-

ли все окна на первом и втором этажах замка, и могли быть свободны до завтра. Конечно, оставался еще третий, четвертый этажи и чердак, но не наша вина, что другие служанки до сих пор не справились с заданием, так как несколько часов раскачивались и ходили сонными мухами, пытаясь проснуться.

Сменив серое рабочее платье на свое темно-коричневое, я попрощалась с Эбби и пошла на выход. Улица встретила жарой, теплым ветром и негромким гомоном тех, кто, вырядившись, спешил на главную площадь. Справа громко хлопнули ставни булочной, наверное, и пекарь не удержался и решил пожертвовать частью возможной прибыли ради зрелища. Так и есть, сначала вышла помощница Алвиса, через минуту он сам, и они поспешили, надеясь занять места поближе к раториуму.

Мимо пробежала веселая ребятня, громко радуясь, что вживую увидят демона. Так же к площади шли принаряженные женщины, сменив темную одежду на светлую. Среди них я заметила пухленькую молодую соседку, которая свое счастье выжидала исключительно дома, а тут вдруг решилась выйти. Для всех них пойманный демон – событие, которое будет обсуждаться после казни не одну неделю. А в том, что демона казнят, я даже не сомневалась: герцогиня и король не зря усилили защиту города, обвив его сетью заклинаний, и не зря заключали договора с хозяином соседствующего с нами Наб. Демонов сильно боялись, и если честно, не без

причины.

Говорили, что лучшие легал Анидат пожертвовали собой, лишь бы город был избавлен от демонов, но нет же, одному, видимо, все-таки удалось проникнуть. Зачем? Знал ведь, что живым не оставят. Впрочем, не мое дело. Демоны – последние сущности в этой империи, о которых я буду переживать.

– Илия, – окликнула меня Эбби, выйдя из замка. – Может, пойдем на площадь, посмотрим?

– Нет, я домой.

– Ну, пожалуйста! Я так хочу посмотреть, а идти одной… Пожалуйста, Илия!

– Нет, извини.

– Да никуда твой Стэнли не денется! – вскинулась девушка, но тут же виновато потупила глаза, извинилась и поспешила к главной площади без меня.

Ссоры между прислугой не приветствовались так же, как дружба, но если бы она не ушла, я бы вряд ли сдержалась. Никто не смеет говорить в таком пренебрежительном тоне о моем сыне! Никто!

Настроение, и без того испортившееся после известия о поимке демона, окончательно ухнуло вниз, но я не стала на этом зацикливаться. Нет времени, да и лишнее. Плохое настроение должно пройти, пока я дойду домой. Ради сына я буду сильной и веселой, излучающей уверенность, что все не только станет хорошо, а уже так и есть.

Но не успела я сделать и десяти шагов, как мою руку пе-

рехватил Маргус, начальник стражи. Задумавшись, я не заметила и не почувствовала, как он подошел, а то бы поторопилась уйти.

– Опять убегаешь? – он не спешил освободить мою руку, несмотря на мои попытки.

– Мне пора, – сказала я очевидное.

Он прекрасно знал, что мне нужно домой и что я спешу. Он вообще считал своим долгом многое знать обо мне, хотя и не все, к счастью.

– Давай прогуляемся к раториуму? – предложил он, и легко преодолев мое сопротивление, потянул к площади.

Мимо нас как раз проходили двое моих соседей, так что я не могла позволить себе устроить громкий скандал. Да и вообще не могла позволить себе разругаться с Маргусом, хотя уже не раз была к этому близка.

– А твоя жена? – колкая шпилька, это единственное, что посмела.

– Моя жена сегодня и завтра с визитом у своей родни, – усмехнулся мужчина, и продолжил уверенно рассекать поток горожан, чтобы мы смогли увидеть все с первых рядов.

Я постаралась отключиться от многообразия запахов и эмоций толпы, хлынувших на меня фонтаном, и через несколько секунд мне это удалось. Теперь я вдыхала только запах душного лета и Маргуса, да и то потому что он был слишком близко, и полностью отрешиться и от него не получалось. Слава императору, что я не оборотень – им бороться

с запахами гораздо сложнее. Я же улавливала запахи либо сосредоточившись, либо если попадала в такие вот столпотворения. Эмоции впитывала вообще редко, к тому же, они не норовили проникнуть в меня, просто шли фоном.

Напомнив себе несколько причин, почему с Маргусом лучше не ссориться, я позволила не только вести себя, но и держать за руку, когда ладонь мужчины переместилась с моего локтя к ладони. Можно было опасаться, что такое поведение непременно породит слухи, если бы для опасений не было поздно. О нас с Маргусом и так судачили многие, но его жена была женщиной прагматичной и выгодно считала, что если нет прямых доказательств, то это клевета.

– Хороший сегодня день, да, Илия? – подтолкнул к разговору Маргус.

Надо отдать ему должное: несмотря на свою должность, дающую почти вседозволенность, и отнюдь не платонический интерес ко мне, он пока не позволял себе грубости или лишнего. Да, я знала, что он хочет сделать меня своей любовницей. Он знал, что у меня практически не будет выбора, если он настоит и предпримет кардинальные меры. Но он хотел, чтобы это было по взаимности, если не по любви, и пытался расположить к себе.

О том, что я не люблю его, он в курсе, но хотя бы мою благосклонность пытался заполучить подарками (недорогими, и только для Стэнли, иначе я бы не взяла), хорошим отношением и защитой, которую, как ни смешно, мне давали

слухи о нашей связи. Не один мужчина посматривал на меня сальными глазками, потому что, несмотря на свои двадцать восемь и девятилетнего сына, я, без скромности, выглядела привлекательно. Мои каштановые волосы не были тронуты ранней сединой, как у некоторых брюнеток, не утратили густоты, не секлись, не лишились природного блеска, фигура не была обезображена сладостями и ленью, а голубые глаза были такими же насыщенными и полными жизни, как в юности, до целого вороха неприятных событий.

Маргус, надо признаться, тоже выглядел хорошо – высокий, светловолосый, уверенный в себе. И я бы, может, и увлекалась им, если бы не его жена, двое детей, и нескрываемое чувство превосходства, которое затмевало другие недостатки. Должность, которую занимал Маргус, досталась ему не просто так, и он имел право гордиться, но все же эта черта в Маргусе меня отталкивала. Я слышала, что в других раздражает именно то, чем грешен сам, но честно покопавшись в себе, признала, что нет, эта черта не моя, а того, о ком вспоминать не хотелось.

– Немного душно, кончено, – продолжил беседу мой спутник и попытался грозным видом освободить нам еще чуть больше пространства. – Но хорошо, что не дождь, а то зачастил в последнее время.

Я промолчала. Мне не хотелось быть здесь, не хотелось вести милых и беззаботных бесед, не хотелось слышать радостные крики, когда другому плохо. Мы с Маргусом стояли

достаточно близко к раториуму, и я боковым зрением видела, как сверкала золотая вышивка на зеленых камзолах жаб герцогини, видела, как на помосте у их ног что-то звякнуло цепями и свернулось темным кулем, но не хотела поворачиваться.

– Ты побледнела, – заметил Маргус.

– Душно, – повторила его слова.

Не полагаясь уже только на грозный вид, он расчистил для нас еще немного пространства локтями и демонстрацией меча. Поухав осуждающе, горожане перестали давить нам в спины и потеснились.

– Лучше? – одна ладонь Маргуса все еще была в моей, а вторая участливо погладила по щеке.

– Да, спасибо, – скользнув взглядом по любопытной толпе, я повернула лицо в сторону, чтобы избежать прикосновений Маргуса, и невольно все-таки посмотрела на помост.

Один из прислужников герцогини поднял руку, повелевая замолчать, и начал читать приказ о казни демона. Казни… как я и думала… Толпа терпеливо внимала, в каких грехах виноват обвиняемый, хотя в данном случае для уничтожения было достаточно наличия темно-фиолетовых крыльев.

Я не вслушивалась, что говорили жабы, но все равно улавливала обрывки их длинной речи: демоница, бывшая легал, которая предала Анидат и стала любовницей демона, а потом посмела вернуться с темными и тайными помыслами… угрожала… была вовремя поймана… сопротивля-

лась… пыталась обвинить честных и заслуженных легал в измене и предательстве… приговорена… завтра… на рассвете… ночь, чтобы показательно было…

Я смотрела на сгорбленную хрупкую фигуру, скрытую темно-фиолетовыми крыльями, и понимала, что завтра на рассвете эти жесткие крылья ее не спрячут, не спасут…

Мне не было жаль демоницу. Мне было жаль девушку, которой завтра не станет. Бывшая легал… Она променяла белые крылья на темно-фиолетовые… Ради чего? Неужели хоть один демон стоит того, через что ей приходится пройти? Вряд ли. Раз она здесь, а ее любовник нет…

– Давай уйдем? – попросила я Маргуса, устав от духоты и возобновившихся криков толпы.

– Так скоро? – удивился тот. – Сейчас ей принудительно раскроют крылья. Не хочешь посмотреть на нее?

– Нет, – поморщилась я.

Мы начали искать отходные пути, чтобы выбраться с наименьшими потерями для одежды, но не успели. Жабы достали мечи и принялись колоть крылья пленницы, заставляя их раскрыться. Девушка корчилась, протяжно стонала, но мужественно держалась, до тех пор, пока к ней не подошел маг герцогини. Он неслышно зашептал что-то над сгорбленной фигурой, и крылья медленно, неохотно, и, видимо, с дикой болью для демоницы, начали раскрываться.

Когда крылья распахнулись, демоница презрительно усмехнулась, вздернула голову вверх, зло сверкая глазами в

толпу, которая принялась улюлюкать и забрасывать ее комьями грязи, мусором, тухлыми овощами и фруктами. Но пленница не поникла, не сдалась под валом ненависти. Она так же презрительно усмехалась, а когда ее щеку поранил острый камень одного из мальчишек, громко расхохоталась.

Это было жуткое зрелище. Молодая, красивая, несмотря на свежий порез и засочившуюся кровь, со спутанными темными волосами, невероятно смелая, несмотря на окружающий ее ужас. Демоница с темно-фиолетовыми крыльями, на которых теперь явно было видно тавро ее любовника-демона. Чужая. Иная. И тем не менее, прежняя. Та девушка, которую я никогда не забуду. Та легал, которая год назад спасла меня и моего сына от голода. Я узнала ее. И судя по ее взгляду, она тоже узнала меня.

– Ру… – прошептала я, и сжала ладонь Маргуса.

– На тебе лица нет. Сейчас уходим, – сказал мужчина, и начал рассекать перед нами толпу.

Я бросила еще один взгляд на пленную, но она больше не смотрела на меня. И я понимала почему: ее сущность могла измениться, и из легал она могла стать демоницей, но это не отразилось на ней самой. Она не хотела привлекать ко мне внимание жаб, не хотела меня подставлять.

Нам удалось вырваться из объятий возбужденной толпы, отделавшись только болтающимся рукавом на моем платье.

– Я куплю тебе новое, – заверил Маргус, и жестко пресек мои возражения. – Это я виноват, хотел, чтобы мы немного

побыли вместе.

– Мне пора, – не было сил спорить, тянуло скорее домой, к сыну, спрятаться от криков гудящей толпы, от мрачных эмоций, от злорадства, от взгляда Ру, от непрошеных слез, от невольного сострадания и дурного предчувствия, которое сдавило сердце.

– Я провожу, – вызвался Маргус, и опять же нашел убедительный довод. – Не хочу, чтобы ты попадалась кому-нибудь на глаза в таком виде.

– Ты думаешь, если я попадусь на глаза в таком виде, но с тобой, говорить будут меньше? – усмехнулась я.

– Нет, конечно. Но так будут думать на меня, а если ты пойдешь одна – на кого угодно.

Я не боялась подмочить репутацию: все вокруг знали, что ребенок у меня есть, а мужа нет. Замуж я не собиралась, так что и с такой репутацией вполне можно жить, но разница есть – когда меня считают любовницей только одного, и уважаемого мужчины, или доступной всем. Поэтому я согласилась на проводы Маргуса, а он, заметив, что мой сын наблюдает из окна, закончил проводы быстрым поцелуем, и ушел, не настаивая на большем. Но заверил, что скоро вернется с платьем.

Полагаю, он собирался воспользоваться отсутствием жены, чтобы, наконец, претворить слухи о нас в правду, но я не боялась. Силой не возьмет, я нужна ему не для одного раза, но на платье, скорее всего, придется согласиться, чтобы хоть

как-то поощрить его и показать, что его методы в расположении меня верны. Иначе иди знай, какую тактику он выберет. А так осадное положение меня устраивало куда больше захвата.

– Мамочка! – позвал сын, едва я вошла в дом.

И сердце невольно сжалось, когда я услышала нетерпение в его голосе и радость. Раньше он бы не сидел в комнате у окна, а уже мчался мне навстречу, а сейчас…

– Привет, мой дорогой, – сама поспешила к нему, обняла и поцеловала в макушку. – Привет, мое счастье. Я так соскучилась!

Мое темноволосое чудо смотрело на меня голубыми доверчивыми глазами, обнимая, позволяя себя обнимать, целуя меня в щеку.

– Я тоже сильно скучал по тебе, – шепнул он, словно кто-то нас мог подслушать.

А я быстро заморгала, чтобы не дать волю слезам. Я должна быть сильной, хотя бы такой же сильной, как мой сын. Больше года назад мой мальчик упал с обрыва и повредил спину. Маг, которого я вызвала, сказал, что он никогда не сможет не то что ходить, а даже сидеть. Но Стэнли подслушал разговор и сделал все, чтобы нам было легче пережить эту беду. Он научился сидеть, а еще прикрепил к стулу колесики, стесал в доме все пороги, и теперь мог пусть неуклюже, и отталкиваясь палкой, но передвигаться по дому самостоятельно. Как он стесывал пороги, я даже думать не хотела –

душа обливалась кровью.

– Обедал? – спросила я, отвлекшись от грустных воспоминаний.

– Тебя ждал.

– Хорошо, – улыбнулась я, – сейчас сварю пюре и подогрею котлеты. Будешь?

– Ладно, – его глаза, сверкнув, потемнели с голубых до синих, но через секунду вернули себе привычный цвет.

– Сейчас, мой дорогой, – я поспешила к себе в комнату переодеться.

Двери не закрывала, сын не заглядывал ко мне, предварительно не окликнув, даже когда был совсем маленьким. Сейчас ему девять, и он считает себя настоящим взрослым мужчиной. А взрослый мужчина ведь не будет подглядывать в комнату к любимой женщине. Так когда-то мне заявил Стэнли, и так и поступал, кстати. Он из тех редких мужчин, у кого слово не расходится с делом.

Переодевшись, я взяла картофель, быстро почистила и забросила его в закипевшую воду. Так, котлеты… Ага, все ясно…

– Стэнли! – крикнула я с кухни. – Почему ты не завтракал? Ты не девушка, тебе не надо беречь фигуру!

Я услышала, как едет по полу стул сына, а потом и его голос за спиной:

– Я не хотел, мам. Не обижайся, ты вкусно готовишь.

– Что-то в последнее время начинаю сомневаться.

Он улыбнулся, и я не смогла больше притворяться строгой. Накормила бы его завтраком сама, но я уходила с рассветом, он еще спал, да раньше и не было таких проблем. А вот уже недели две с аппетитом у сына плохо. Завтраки игнорировал, со мной обедал, но вяло, а ужины у нас сопровождались моими долгими уговорами ну хоть чуть-чуть, ну хоть немного, ну ради меня. С чем это связано, я не знала, но надеялась, что пройдет, к тому же, на самочувствие сын не жаловался.

– Мам, – спросил он, когда я начала расставлять на столе посуду, – а что у нас сегодня за праздник?

– Да где же праздник? – Я удивленно развела руками. – Обычная еда.

Это год назад мы о таком могли только мечтать, а сейчас простая сытная еда была не деликатесом, не роскошью. Мы могли позволить себе и фрукты, и мясо, и овощи, да и сладкое, которое у меня хорошо получалось.

– Да нет, я не о еде, – отмахнулся Стэнли. – Я слышал горн и звон колокольчиков, видел, как наши соседи переоделись в светлое и поспешили на площадь, но сколько ни вспоминал, так и не вспомнил, что сегодня за праздник. Что там?

– Там? – зачем-то переспросила я, заглянула под крышку к сырой еще картошке, убрала со стола жареные кабачки и снова вернула их.

– Мам, – напомнил о своем вопросе сын, и когда я в очередной раз шла от плиты к столу, взял меня за руку, заставив

остановиться.

– Да, Стэнли?

– Что там, на главной площади?

Я не могла солгать сыну, но и правду говорить не хотелось. Возможно, потому что я сама пока не воспринимала увиденное как правду, возможно, потому что я мечтала скорее забыть об этом, отвлечься, притворится, что ничего не было, возможно, потому что я слишком хорошо знала Стэнли. И себя. И обстоятельства. И невозможность что-либо исправить.

– Поймали демона, – сквозь ком в горле сказала я.

Глаза сына опять стали темно-синими, в них загорелся интерес.

– И? – подтолкнул он.

Я молчала и только смотрела на него, а потом все-таки сказала то, что он и так знал:

– И ее казнят.

– Ее?

– Это демоница.

– Ясно, – склонив голову на бок, он наблюдал за мной, а потом вздохнул и спросил: – Мам, ты сама скажешь ее имя, или мне узнать у других?

Мой сын настойчивый. Он узнает. Нет, друзья к нему в гости больше не ходят, но он может проехаться на стуле к нашим соседям. Несмотря на то, что не любит этого делать, ведь если он появится на улице в таком виде, на него будут

смотреть. И жалеть, а мой гордый мальчик жалости не переносит.

– Мам? – напомнил о вопросе сын.

– Ру, – призналась я.

С минуту сын всматривался в мои глаза, не веря, не понимая, а потом прошептал:

– Но ведь она… легал?

– Теперь она демон.

– Но как?

– Связалась с демоном, – избегая упоминания о любовной связи Ру, пояснила я.

– А ее белые крылья?

– Теперь они темно-фиолетовые.

Стэнли выпустил мою руку, и я опять засуетилась, готовя обед, но наблюдая за мальчиком. Он сидел на своем стуле на колесиках, о чем-то размышлял, опустив голову, а когда посмотрел на меня, он еще ничего не успел сказать, но я уже поняла.

Тарелка со свежим салатом выпала из моих рук, и после треска битой посуды Стэнли сказал:

– Мы должны помочь ей, мам. Давай подумаем, как это сделать?

Глава 2

Кричать, ругаться, злиться, шантажировать – все бесполезно. Стэнли очень упрям, и если вобьет себе что-то в голову, его не переубедить. Когда я слышу, что детей надо воспитывать правильно, пытаясь сформировать у них те или иные черты, мне смешно. Стэнли уже родился с характером. Не помню, чтобы он плакал даже младенцем, не помню, чтобы жаловался, прибегая с разбитыми коленками, не помню, чтобы смирился хоть раз, когда внутри него бушевало чувство несправедливости.

Не только мне, но и Стэнли приходилось доказывать окружающим, что внебрачный ребенок не хуже других.

Раньше мы жили в другом районе, дальше от главной площади, потому что там я чувствовала себя в большей безопасности (чем дальше, тем лучше), но пришлось переехать, когда Стэнли в ответ на издевательства избил соседского мальчика, и против нас ополчилось большинство соседей. В этом районе он тоже проходил проверку кулаками, благодаря чему обзавелся двумя верными друзьями. Впрочем, верными на словах: ни один из них не пришел проведать Стэнли после того, как он упал с обрыва. И ни разу Стэнли о них не упомянул, просто вычеркнул из своей жизни.

Да, мой маленький сын настоящий мужчина, и поэтому я испугалась, когда он сказал, что мы должны помочь Ру, ведь

это невозможно. Я объясняла сыну, что девушка в цепях, и ее охраняют жабы герцогини, но он упрямо поджимал губы, и глядя на меня темными глазами, повторял:

– Мы должны ей помочь.

– Хорошо, – после очередной безуспешной попытки доказать абсурдность его просьбы, сдалась я. – Скажи: как?

Картошка давно приготовилась, но к ней не притронулся ни Стэнли, ни я. Котлеты остывали на тарелке, на другой тарелке обветривался салат, который я сделала вместо того, что пришлось выбросить. А мы с сыном сидели на кухне, напротив друг друга, и говорили. Говорили о том, о чем в принципе говорить нельзя. Да если бы жабы герцогини пронюхали, что мы хотя бы думаем о спасении демона!

Нет, они в отличие от моего сына прекрасно осознают, что это невозможно, но если бы только пронюхали! Этого оказалось бы достаточно, чтобы нас двоих упекли за решетку, и тогда Маргус видел бы меня куда чаще, чем сейчас, вот только сомневаюсь, что он и дальше носил бы подарки.

– Не знаю, мам, – после долгих раздумий, сказал Стэнли, – но мы ведь не бросим ее. Если бы не Ру, нас с тобой, возможно, уже не было…

– Да, она очень помогла нам, но это не меняет того, что мы ничем не в силах помочь ей. К сожалению, Стэнли.

– Но, мама, как мы можем позволить ей умереть? Ведь если бы не она…

– Знаю, мой дорогой, – я обняла сына, боясь подумать, что

было бы, если бы не Ру.

Легал редко общаются с корри: крылатая раса слишком гордится белыми крыльями, чтобы снизойти до тех, кто ходит по земле. Но я тогда была в отчаянии, и в поисках работы отправилась в Миндальную Долину. Я знала, что это смешно, что никто не возьмет меня там на работу, если уж никто не взял в районе корри, но голод и страх за ребенка подтолкнули. Я блуждала по территории легал, пытаясь не реагировать на почти давящее на плечи пренебрежение крылатых, и получала отказ за отказом. Я была на грани, когда поняла, что у меня ничего не вышло. Я выдержала ухмылки и усмешки крылатых, считающих себя выше меня, но тщетно. Мне нужно было возвращаться домой, к сыну, ни с чем…

Когда я, получив очередной отказ, выходила из булочной, в которой пахло так вкусно, что скручивало не только живот, но, казалось, все внутренности, столкнулась в дверях с незнакомой девушкой.

– Простите, – извинилась я, и попыталась пройти мимо нее, но она заметила, что я плачу. К стыду своему, Миндальная Долина все-таки выбила из меня слезы!

Девушка не позволила мне уйти просто так. Расспросила, что случилось, а узнав, что ищу работу, а не подаяние, купила хлеба, булочек и каравай, отдала мне и, уточнив адрес, сказала, что прилетит, когда найдет для меня работу. Я не верила, что она не забудет обо мне, но домой побежала радостная, потому что теперь мне было с чем вернуться к сыну!

Девушка-легал прилетела через два дня, спросила, как я смотрю на должность горничной в замке герцогини? А я смотрела и на нее, и на должность сквозь слезы неверия и благодарности. Конечно же, я согласилась!

До сегодняшнего дня я больше не видела Ру, но часто вспоминала о ней. Могла бы ей помочь, помогла бы, но… Завтра ее казнят, а я, к сожалению, ничего не могу изменить.

Я обнимала своего мальчика, гладила по темным волосам, как он любил, целовала его в макушку, и еще, и еще раз повторяла, что мы ничего не можем сделать… и как мне жаль…

Он молчал, позволял себя обнимать, и больше не заговаривал о Ру. Даже плотно пообедал, и я подумала, что выбросил из головы идею по спасению, но он только позволил мне так думать. Стэнли усыпил мою бдительность, притворился смирившимся, и вел себя как обычно целый день: улыбался, слушал, как я читаю ему книгу о приключениях, а когда на город опустилась ночь и я уснула, сбежал из дома…

Я проснулась с колотящимся сердцем, перевернулась на другой бок, закрыла глаза, но не смогла заставить себя уснуть. Дом был темен и тих, я была уверена, что Стэнли спит, но что-то подтолкнуло меня встать и зайти к нему в комнату.

– Стэнли? – позвала я, подходя к кровати.

Но еще не дойдя до нее, я уже знала, что Стэнли в ней нет. Я не слышала его запаха, я не чувствовала его присутствия.

И Стэнли действительно не было! Как не было и его стула, и палки, которой он помогал себе передвигаться!

Ветер заглянул в распахнутое окно, прошелся по моей спине, и заставил меня очнуться. Я бросилась в свою комнату, наспех накинула платье, и что было сил побежала к главной площади. Стул Стэнли я увидела издали, он лежал перевернутым, две ножки сломаны, рядом валялась палка. Но моего сына не было! На помосте крутились жабы герцогини и стражники, воняло гарью и смертью, а моего сына не было! Как не было и демоницы…

– Стэнли! – задыхаясь от бега, бьющегося лихорадочно сердца и чувства непоправимого, я бросилась к помосту, но меня перехватили, начали задавать вопросы: как давно я стала пособницей демонов и когда именно решилась стать соучастницей преступления?

А я повисла безвольной куклой в чужих руках и только смотрела на перевернутый стул. Потом рванулась – видимо, стражники не рассчитывали, что у меня появятся силы, и легко отпустили. Я подбежала к стулу, начала ощупывать его, как живого, ища, надеясь найти своего сына, даже зная, что он ведь не может стать невидимкой.

Но Стэнли не было!

Я закрыла глаза и попыталась из десятка чужих запахов уловить запах сына, но мне помешали. Мои руки снова сжали чужие ладони, снова посыпались вопросы, но я даже не видела лиц, я ничего не видела, и тщетно пыталась сориен-

тироваться, где мой сын.

А, может, если я закрою глаза, то проснусь и пойму, что мне все это снится? Стэнли дома, конечно же, спит, а я много думала о Ру, о словах сына, и это вылилось в кошмарный сон… Мне просто надо проснуться, дома, в своей постели. Мне всего лишь надо снова уснуть, чтобы проснуться!

– Оставь ее, Оскар, она ни при чем, – услышала я рядом знакомый голос, и тут же уткнулась в мужскую грудь, рыдая, и уже не скрывая слез.

– Маргус, – я подняла лицо, попыталась заглянуть в глаза, но ничего не увидела за дымчатой пеленой. – Маргус, где мой сын? Ты знаешь? Пожалуйста, помоги мне найти его!

– Илия, – он погладил меня по щеке, стирая дорожку слез.

– Маргус, пожалуйста! – не выдержала я неизвестности. – Пожалуйста, скажи, где мой сын! Я не слышу его!

– Илия, – Маргус не обратил внимания на мою оговорку, но с тяжелым вздохом стер очередную дорожку слез на моей щеке, – твой сын арестован за попытку освободить демона. Он в темнице.

Мир перевернулся – я бы рухнула на землю, не держи меня Маргус так крепко. В обморок не упала только потому, что понимала: я нужна своему сыну, и нужна сейчас, у меня нет времени для слабости, нет времени отдохнуть в беспамятстве. Потому что это не сон. Это реальность.

– Маргус, – зашептала я, крепче прижимаясь к мужчине, – прошу тебя… помоги спасти сына…

– Илия…

– Прошу тебя, Маргус, я готова на все, – я погладила его по щеке, не обращая внимания на жаб, на других стражников. – На все, что захочешь…

– Иными словами, ты готова стать моей любовницей? – Он встряхнул меня, как фруктовое дерево, и я почти явственно услышала, как что-то осыпается.

Гниль.

Моя гниль. Это я во всем виновата. Не уследила. Не уберегла. Испугалась. Мне нужно было самой пойти на главную площадь, самой сделать отчаянную попытку спасти демоницу, даже зная, что ничего не выйдет. Тогда бы мой сын не был в темнице, а тихо спал в своей комнате. Тогда бы с ним все было в порядке. Любая мать сделала бы это для сына, а я – трусиха. Я просто трусиха, мне даже страшно ответить на вопрос Маргуса, потому что внутри все противится тому, чтобы стать его женщиной. Но что такое спать с нелюбимым ради того, чтобы твой сын спал спокойно?

– Да, – ответила я, посмотрев в глаза Маргусу. – Да, я согласна. Только, пожалуйста, помоги спасти сына!

Не знаю, что Маргус надеялся во мне рассмотреть, но всматривался в меня очень долго. Пристально. Цепко. Мне мерещилась нотка сожаления в его взгляде, но, возможно, мне и впрямь только мерещилось. Слез больше не было – плакать некогда, время слабости в прошлом, но глаза болели, и я зажмуривалась, чтобы успокоить их и затем видеть

четче.

– Маргус? – вцепилась в его синий мундир.

– Это невозможно, Илия, – он вздохнул и уже не взглядом, а словами выразил сожаление. – Мне жаль, но я не могу помочь твоему сыну.

– Маргус, но он ведь ребенок! – безысходность душила, но я гнала ее от себя вместе с паникой. Не время. Не время! – Стэнли не виноват. Он не хотел…

– Он виноват, Илия, – возразил жестче Маргус, – и он хотел освободить демона.

– Но…

– Иди домой, Илия.

– Домой? Без сына? Маргус, у тебя самого двое детей. Неужели ты смог бы спокойно сидеть дома, зная, что они в беде? Прошу тебя…

Напоминание о детях не смягчило Маргуса. Он поджал губы, рассматривая меня, словно удивляясь, что я в курсе или что посмела затронуть святое, и сказал:

– Илия, если ты не уйдешь, тебя могут тоже арестовать, – он покосился на снующих поблизости жаб герцогини. – Иди домой. Я знаю, что ты не уснешь, но лучше тебе хотя бы сделать вид. Единственное, что я могу, – сказал он значительно тише, – передать твоему сыну, что ты волнуешься за него.

– Волнуюсь? Нет, не надо, не говори ему этого, – шепотом ответила я. – Скажи, что я люблю его.

– И ты пойдешь домой?

– Да, – кивнула я, – домой.

– Хорошо, я передам твоему сыну то, что ты просишь.

Маргус отпустил меня, и я поплелась в сторону дома, догадываясь теперь, что за мной могут приглядывать, дабы убедиться, что не планирую таких же глупостей, как и мой сын. Нет, я не такая смелая. Я шла домой. Я даже покорно зашла в свою комнату и опустилась на кровать. Свет не зажигала. Пусть тот, кто следит за мной, думает, что я легла спать или люблю в темноте поплакать.

Мне нужна была только минута, одна минута, чтобы решиться и сорвать с шеи цепочку с треугольным кулоном. Тотчас же меня накрыла темнота, но не из-за постыдного обморока. Просто в Сайле, городе моего детства, сейчас тоже ночь, и хотя меня перенесло не на улицу, а в родительский замок, никто сегодня не ждал моего возвращения и не держал свет впустую.

Оглядев свою бывшую комнату, припорошенную густой пылью, я убедилась в своем предположении: не ждали. И не только сегодня, а никогда.

Но я здесь…

Не верилось, что я снова в замке, который безумно любила, в замке, в котором выросла и из которого меня должны были отдать жениху…

На ностальгию не было времени, и я вышла из комнаты, ступив в темный коридор. Направо – за десять лет я не успела забыть, где находятся покои отца. Еще раз направо, еще

раз.

Шла и удивлялась: ни одного стражника, минимум охранных заклятий, только ленивый не проникнет в замок. Ничему-то прошлое не научило. Впрочем, отец до конца был уверен, что я сама во всем виновата, и что обязана понести наказание.

Отбросила воспоминания, как старую паутину. Злость не давала сосредоточиться. Мне нужна помощь, а не всплеск семейной войны.

Вот комната отца.

Вошла без стука и остановилась на пороге. Отца в комнате не было, и он не спал. Дверь в его кабинет была приоткрыта, оттуда лился свет, и я видела, что он сидит у стола, что-то сосредоточенно пишет. Ничуть не изменился – темноволосый, моложавый, без проблеска седины. Казалось, что не было десяти лет, и что я все еще молодая семнадцатилетняя девушка, которая просто зашла пожелать отцу доброй ночи. И вот сейчас он почувствует мое присутствие, обернется, и складки между бровей разгладятся, а его губы улыбнутся мне…

Мужчина, сидящий за столом, перестал писать, поднял голову, словно задумавшись, а потом обернулся.

Несколько минут он смотрел на меня, наверное, не в силах поверить, что это действительно я, что все-таки посмела явиться, несмотря на изгнание. Но он сам оставил мне шанс…

– Папа, – скорее скрип зимнего узора на стекле, чем мой

голос.

Мужчина поднялся и сделал шаг навстречу.

– Илия?

– Папа, – прохрипела я, а потом не удержалась и, несмотря на то, что он сказал, что не хочет видеть меня, что отрекается, что меня для него больше нет, бросилась к нему совсем как в детстве, и обняла. Его руки опустились на мои плечи и прижали к себе.

– Илия. Ты.

– Я.

Сегодняшний день оказался щедрым на слезы, и снова я прижималась к мужской груди, ища поддержки и понимания. Мой отец очень сильный. Он поможет. Когда он рядом, я чувствую, что возможно все, даже чудо. А мне просто необходимо всего одно чудо сегодня!

– Вернулась, – отец приподнял мое лицо, рассматривая такими же голубыми глазами, как у меня.

– Папа, – я обняла ладони, которые обнимали мое лицо, – папа, мне нужна твоя помощь!

– Вот, значит, как… – он убрал свои руки, вернулся к столу, рассматривая бумаги, над которыми работал до моего появления.

Он обернулся, но ненадолго – видимо, только для того, чтобы я по отрешенному взгляду все поняла. В нем больше не было даже искры радости, удивления. Только упрек, разочарование, что я снова не оправдала надежд. Но я, как

и много лет назад, не чувствовала вины за собой.

Отец отвернулся, предпочтя мне бумаги, предпочтя мне работу, долг, привычную жизнь. Как и тогда, много лет назад, он молчал, замкнувшись на все замки, а я должна была пытаться найти к нему ключик, пытаться уговорить, пытаться сделать так, чтобы он хотя бы посмотрел на меня!

Тогда я не стала умолять его, просто просила, но сейчас от отца зависело самое дорогое, что у меня есть. Раньше речь шла всего лишь о моей жизни и погубленной репутации. Сейчас в помощи нуждался мой сын.

– Папа, пожалуйста, – попросила я, – помоги спасти Стэнли.

– Стэнли?

Он притворился, что не знает, о ком речь. Ему было проще думать, что у него никогда не рождался внук. Потому что внук получился не достойным Илланиара альх анкер Свалье. Но гордость – последнее, о чем я думала в эту минуту.

– Это мой сын, – пояснила я, раз папа забывчивый. – Пожалуйста, помоги… Если ты не поможешь, Стэнли казнят…

– Вот как? Казнят? – Он так и не обернулся. – Твой сын вырос преступником? Не удивлен. С такой наследственностью, как у него…

– С какой наследственностью? Он тоже из рода Свалье! Его полное имя Стэнли альх анкер Свалье!

– Я не давал ему разрешения носить свое имя, – вот здесь отец обернулся, и его голубые глаза полоснули осколками

льда. – Я предлагал избавиться от него еще до его рождения. Но ты отказалась. Ты поставила под угрозу мою репутацию, не говоря о своей. А сейчас, когда я вычеркнул тебя и твоего ублюдка из своей жизни, ты возвращаешься. Не потому, что раскаялась и поняла, что я был прав. А потому, что тебе понадобилась моя помощь, а идти больше не к кому. Поправь, если я что-нибудь упустил.

Поправить…

Я не могла совладать с голосом, меня душили рыдания, но изнутри. Я билась, кричала, я пыталась доказать мужчине, стоящему передо мной, что все не так, но мысленно, не выплескивая наружу.

Он прав.

Илланиар альх анкер Свалье, второй советник Их Императорского Величества, прав всегда. И не упустил ничего.

Он предлагал избавиться от Стэнли, едва узнав о моей беременности. Да, мой отказ поставил под угрозу его репутацию. И да, я пришла за помощью к нему, потому что не знала, к кому мне пойти еще.

День слез. И день отказа в помощи сразу двух мужчин, которые могут… могут, но не хотят помочь…

День осознания, что Маргусу все-таки нужно было мое тело, а не я. Когда любишь, готов на все. Когда просто хочешь, но риск велик, меняешь одно желание на другое.

Так проще.

День осознания, что призрачное прошлое нужно оставить

в прошлом. Его больше нет. Есть я и Стэнли. Есть настоящее. И будущее, наше будущее с сыном, которое я постараюсь выбить даже из темных сил!

Темные…

Когда светлые отрекаются, остаются темные.

Пусть страшно, противно, пусть обещала, что никогда… никогда больше…

Но выбора нет. Светлые не оставили выбора. А был ли он изначально?

Глядя на отца, я вдруг задалась вопросом: любил ли он меня когда-нибудь? По-настоящему. Без оглядки на то, что я его дочь, и так принято, раз уж я есть. Просто так. Потому что я – это я. Любил? Хотя бы минуту? Пусть до того, как я испортила себе и ему репутацию и родила ублюдка.

– Мой сын не преступник, – мой надломленный голос выдавал эмоции, вопреки попытке их скрыть. – Он пытался спасти осужденного.

– Всего-то? Как смело! Один преступник хочет спасти другого!

– Папа… – голос сорвался, говорить не хотелось.

С чужим мужчиной, что стоял напротив меня с уверенностью Бога, говорить не хотелось. Я чувствовала, что он не поможет, я уже поняла – душой, сердцем, что он не спасет моего сына, но пока был хоть маленький шанс, я за него цеплялась. Я даже всерьез подумывала встать перед отцом на колени…

Возможно ли, что мое падение оставит Стэнли в живых? Возможно ли, что все эти годы отец ждал от меня именно этого?

– Кого он пытался спасти? – глаза отца перестали жечь льдом, теперь они обдавали мое тело горячим ветром.

Эмоции отца били через край, словно проверяя, где предел моей выдержки. Если бы не семейный иммунитет, я бы сгорела заживо. Мой отец – один из самых сильных представителей анкер, и один из самых злопамятных, как оказалось.

– Только не говори, что какую-нибудь невинную барышню!

Он забавлялся. В то время как мой сын, который на самом деле пытался спасти невинную барышню, в темнице. Нет, он не плачет. Я знала сына, он может держать боль в себе, он сильный, и он никогда не разрешал плакать мне, говоря, что это пройдет, что мы сможем…

И я смогу.

Не брошусь на равнодушного мужчину напротив с криками, кулаками. Не сорвусь. Не заплачу, потому что он, как и Стэнли, не переносит слез. У них много общего, хотя отец никогда (это я уже поняла) не признает этого.

– Он пытался спасти одну девушку… – начала я.

– Илия! – взорвался отец. – Я легко могу навести справки, ты знаешь. Кого пытался спасти, – сарказм и неверие в голосе, – твой… Твой?

Он так и смог назвать его моим сыном, но я проглотила

боль и обиду. Пусть так. Это мой мальчик. Только мой, и никого больше. Главное – вытащить его из темницы, спасти! Но отец все равно узнает, если согласится помочь, поэтому лгать ему не было смысла.

– Он пытался спасти демона.

Отец рассмеялся.

Он так редко смеялся, по крайне мере, я слышала всего пару раз, да и то его смех больше напоминал громкий выдох. А здесь он хохотал с удовольствием, долго, и даже взгляд его, обычно строгий, смягчился.

– Вот так ирония! – утирая слезу возле левого глаза, сказал он, вдоволь нахохотавшись. – Никогда не думал, что услышу такую хорошую шутку! А я сижу здесь над документами, заработался так, что глаза болят, и вот являешься ты, и смешишь меня. Да уж, стоило подождать десять лет!

Лицо его снова стало серьезным, а глаза превратились в нейтральное голубое небо.

– Ты не пришла, чтобы признать свою вину перед семьей, – обвинительно начал он. – Демоны с тобой, ты не пришла даже просто так, чтобы остаться, и мы бы забыли о прошлом. Ты пришла, потому что тебе нужна моя помощь!

Отец думал, что смутит меня, думал, что его слова хлещут меня больнее пощечин, но они проходили мимо. Болью отдавалась только уверенность, что он не поможет.

– Да, – сказала я, сжав со всей силы сорванный с шеи кулон, и один из его углов впился в ладонь. Достаточно больно,

чтобы затмить боль от того, что я опустилась перед отцом на колени и повинно склонила голову. – Да, это так. Ты прав. Я пришла за помощью.

Последний шанс. Для меня, для отца, для нас.

Но он молчал. Мне послышался хрип, но я не подняла головы. Я не могла видеть его, не хотела прочесть ответ до того, как скажу ему все, как попробую еще раз уговорить. Быть может, он сжалится? Быть может, он вспомнит, как еще маленькой за побег из замка меня пытались поставить на колени на соль, но я сказала, что лучше смерть! Меня выпороли, оставили без еды на день, и я в отместку не ела еще неделю, пока отцу не пришлось прийти в мою комнату лично и попросить меня жить. Быть может, он вспомнит, как я обняла его тогда и сказала, что люблю, и ради него буду есть, так часто, как он захочет.

Он захотел так много, что я за полгода поправилась на десять кило, и потом с трудом их сбросила. Ради папы я почти еще год была толстой, я была самой толстой из всех знакомых мне анкер.

– Я пришла за помощью, – повторила я, разрывая непослушным голосом гнетущее молчание. – К отцу. К тому, кого считала самым близким на свете.

Он молчал. Мои надежды на помощь рухнули, а вместе с ними сдержанность, и я, наконец, сказала то, что все эти годы жгло меня изнутри.

– Пришла к тому, кто предал меня. К тому, кто уговаривал

убить моего сына. К тому, у кого был шанс все исправить. Ты отказался от меня еще тогда, но я…

Я подняла лицо, чтобы увидеть, как побледнел отец. И как упрямо поджал губы, чтобы вдруг не поддаться и не согласиться помочь?

– Родители, – сказала я, – это первая и самая надежная опора детям. Так и должно быть, папа. Это нормально. Стэнли знает: что бы ни случилось, что бы он ни сделал, я всегда буду рядом. До последнего. Он знает, что я не брошу его, и это правильно. Потому что я никогда не брошу его. А ты…

Кулон впился в ладонь сильнее, словно догадываясь, что я собиралась сделать, отец сдвинул брови, будто пытаясь предостеречь, но все, этот мост я сжигаю. Надо было сделать это раньше, но я оставляла шанс. Отцу. Себе. Стэнли. Шанс пропал. Он больше не нужен мне, потому что он не помог Стэнли. И этот шанс никогда не был нужен отцу.

– Теперь моя очередь от тебя отказаться, папа.

– Илия… – хрип, все-таки хрип не послышался.

– Прощай, отец. Теперь у тебя действительно больше нет старшей дочери. Как ты и хотел.

Я выпустила из ладони кулон, и еще успела увидеть, как удивленно расширились глаза отца, и как он, борясь с гордостью и надуманной обидой, бросился ко мне, чтобы удержать.

Но опоздал…

Я вернулась в Анидат, и путь домой был для меня закрыт.

Маячок остался в прошлом, где меня не ждали еще десять лет назад.

Отказываясь от меня, отец милостиво позволил взять с собой кулон, чтобы если я однажды одумаюсь, могла покаяться и вернуться к безмятежной жизни. Где не нужно работать прислугой, где не нужно думать о хлебе, и где нет незаконнорожденного ребенка.

Вот только без Стэнли мне не нужна безмятежная жизнь. Мне любая жизнь не нужна без него…

Глава 3

Переодевшись, чтобы запах покоя и безмятежности не напоминал о бывшем доме, я выглянула на улицу.

Темно – фонари в этом районе для корри магически заряжали лишь по большим праздникам, и, видимо, поимку демона, несмотря на шумиху, не отнесли к таковым. Тихо – если и сновал кто в такой темноте да в позднее время, то воришки, а их редко можно увидеть из окна напротив, голод быстро учил осторожности.

Но меня интересовало: не следит ли кто за моим домом?

Долго всматривалась в темноту, но под взглядом моим дрогнули только деревья, зашумев от порыва внезапного ветра, который не принес близких запахов чужака. Возможно, убедившись в том, что я не наделаю глупостей, приставленный ко мне ушел. А, возможно, никого не было изначально.

Хотя, все могло быть иначе, и за мной все еще могли следить. Осторожно, прячась в тени. Думаю, стражники умеют быть незаметными по долгу службы. Но я все равно собиралась выйти из дома, и уже взялась за ручку двери, когда постучали.

Мелькнула сумасшедшая мысль, что это отец, но я тут же остудила себя. Отец, конечно, мог бы найти меня, но за десять лет ни разу не проявил ко мне интереса, и если стояние на коленях не убедило его помочь, то эффектный уход и по-

давно.

Глубоко вдохнув, я поняла, кто за дверью. Не хотела видеть его, никого не хотела видеть, но Маргус потребовал:

– Илия, открой! Я знаю, что ты не спишь!

Открывать я не торопилась, надеялась, что он уйдет и позволит уйти мне.

– Это касается твоего сына! – крикнул мужчина, и я отодвинула скрипучий засов.

Маргус сверкнул на меня глазами, видимо, подмечая, как быстро я открыла ему и что я в платье, а не в ночной сорочке. С намеком заглянул в прихожую.

– Далеко собралась?

Я отошла, впуская его, и он включил свет, ловко найдя выключатель. Так ловко, словно бывал в моем доме.

– Это тебе, – он протянул пухлый сверток.

– Что это?

– Платье. Я ведь обещал, – удивился он. – Примеришь?

С трудом подавила раздражение – у меня сын в беде, а он приносит мне платье, и думает, что я с радостью юной девочки побегу наряжаться и крутиться у зеркала?!

– В другой раз, – по возможности мягко сказала я, и положила пакет на стол. – Прости, я устала, и… немного не до подарков. Что ты хотел сказать о Стэнли?

Маргус подвинул к себе стул, сел, и все равно умудрился смотреть на меня сверху вниз, хотя теперь я возвышалась над ним.

– Предложи хотя бы чая, – он устало потер лоб.

– Что со Стэнли?

– Я передал ему, что ты просила. Сказал, что ты его любишь.

– Спасибо.

Маргус молчал, он не собирался никуда уходить, и я поторопила его:

– Ты пришел только для этого?

– Нет, еще принес тебе платье, которое ты даже не хочешь примерить. Я понимаю, что ты волнуешься, но разве то, что я сказал тебе – ерунда? Когда ты просила меня передать слова любви твоему сыну, мне показалось, что это важно. Илия, слова любви – это ведь важно? Я их от тебя не дождался, так хотя бы твой сын… Но когда я пришел, чтобы сказать, что выполнил твою просьбу, оказывается, это был всего лишь пустяк?

Он пытался вызвать во мне чувство благодарности, пытался воззвать к моей совести, но мне было все равно, что он устал. Да, я видела, что устал, от него буквально веяло утомленностью пылью, потом и чьим-то страхом. Но он не выполнил моей главной просьбы – не помог Стэнли, а сейчас просто меня задерживал.

– Не пустяк, – возразила я, но посмотрела на дверь.

– Спешишь?

– Нет, – солгала. – Но, думаю, что тебе пора.

– Куда? – Он, усмехнувшись, откинулся на спинку стула,

тот подозрительно скрипнул, но выдержал его вес. – Мои у родственников, я тебе говорил. Еще день я совершенно свободен.

– А как же твоя работа?

– Завтра у меня выходной.

– С чего бы?

– Я все сделал сегодня.

В словах Маргуса мне послышалось имя сына, хотя оно и не прозвучало. Мое сердце на минуту замерло и снова забилось.

– А Стэнли?

– Илия, я же сказал, что передал ему твои слова!

– Не то. Что с ним? Ты сказал, что все сделал сегодня. Что ты сделал с моим сыном?

Пристальный взгляд Маргуса ощущался лаской. Чужой, ненужной, но лаской. И совсем не вязался с жестоким вопросом, который он задал мне:

– Илия, чей он сын?

– Что? – хрип, уже не отца, а мой.

Я схватилась за шею, словно цепочка и кулон душили меня, но вспомнила, что их больше нет, и опустила руку.

– Я никогда не спрашивал тебя, чей Стэнли сын.

– Мой.

– Твой и?…

– Он – мой.

– И демона?

Несуществующая цепочка на шее перекрыла мое дыхание, хрип вырвался и повис напряжением в комнате.

– Стэнли. Мой. Сын, – отчеканила я.

Но Маргус знал правду – так говорили его глаза, все еще ласковые глаза, несмотря на жестокость вопросов.

– Как ты узнал? – выдавила я, ухватив судорожный вдох.

Мой мальчик не был похож на демона, и я так радовалась, что ему ничего не передалось от отца. Он был похож на меня. И на упрямого поборника репутации и морали – Илланиара альх анкер Свалье, своего деда.

– Хотел бы я этого не знать, – с грустной улыбкой ответил Маргус.

Он обвел взглядом прихожую, но у меня возникло ощущение, что он успел рассмотреть каждую деталь во всем доме. Крошечном доме – по сравнению с замком моего отца. И даже по сравнению с домом Маргуса.

– Илия, ты понимаешь, что тебя тоже могут кинуть в темницу?

– За что? В империи много демонов!

– В империи, – согласился он. – Не в Анидат.

Да, я была в курсе о нелюбви герцогини и короля к демонам. Более того, их нелюбовь перешла в какую-то болезненную ненависть, словно они опасались чего-то. Говорят, раньше в Анидат были демоны, и вполне себе жили наряду с другими расами, но потом от них постарались избавиться. Некоторые сами ушли в более темные и гостеприимные го-

рода, некоторые хотя и переместились, иногда все еще мстили за изгнание, а с некоторыми пришлось договариваться о ненападении.

Но, так или иначе, Анидат избавился от всех демонов, которые здесь жили ранее. И немедленно, и жестоко избавлялся от новых, если они пытались проникнуть сюда. С трудом, но был заключен договор с Ризгором – хозяином города Наб, который из-за преобладающего засилья демонами и близости к нашим зеленым границам, представлял непосредственную угрозу. Некоторые легал погибли, некоторые бесследно исчезли, но город о них не жалел. У Анидат был договор с Наб, а это главное, хотя вся вина, по слухам, лежала на темных. Да, демонов здесь не любили.

– Но я ведь не демон!

– Не демон, – согласился Маргус. – Но по закону военного времени… сама понимаешь, ты можешь попасть под раздачу. Илия, какой ты расы? Ты ведь не корри.

– Какая разница?

Мне казалось, мы тратим время, говоря о таких пустяках.

– И все-таки? Я помог тебе, передал твои слова сыну – неужели я не достоин хотя бы маленького кусочка правды?

В эту минуту Маргус мне сильно напомнил отца – он так же иногда пытался воззвать к моей совести. Может, он и раньше подсознательно напоминал мне его? Может, потому между нами ничего не было? А вовсе не из-за отсутствия притяжения или страха близости.

– Анкер.

Вряд ли Маргус начнет уточнять из какого я рода, так что еще одно пятно репутации моего отца не грозит.

– Крылатые. Высшие. Светлые, – выдал Маргус классификацию. – В отличие от легал, крылья достаются только по праву рождения. Стать анкер через обряд обращения невозможно. Закрытая надменная раса, которая заключает брачные союзы только между собой.

Он встал, медленно обошел меня и неожиданно прислонился со спины. Тесно, так тесно, что я почувствовала его всего – даже те выпирающие части тела, которые чувствовать не хотела.

– Где твои крылья, Илия?

Я судорожно вздохнула.

– Их нет.

– Больше нет?

– Их нет, – повторила я.

– Ты не улетишь от меня? – мужской шепот жаром опалил мое ухо, но меня затрясло от холода, к горлу подступил ком тошноты. – Ты не улетишь от меня?

– Как? – я дернула плечом, напоминая, что крыльев нет, и тщетно пытаясь избавиться от чужих рук.

– Ты не променяешь меня на демона? Обещай. Я хочу это слышать.

– Не сходи с ума.

– Илия, я хочу это слышать.

– Маргус, демоны – не постоянны и не держат слова. Они не спрашивают, они просто берут. Зачем они мне?

– Но отец Стэнли…

Я усмехнулась: уж он-то нужен мне меньше всего.

– Я не отдам тебя им, – зашептал Маргус, а руки его, как я и хотела, оставили мои плечи, но… к ужасу моему, переползли на мою грудь, и сжали. – Я не отдам тебя никому, Илия. Ни страже, ни демонам, никому. Я спрячу тебя, если понадобится. Я приведу тебя в мой дом. Там никто не станет искать тебя. Никто не подумает, что ты там…

– А твоя жена? – руки Маргуса по-хозяйски взвесили мою грудь, поощрили за отклик, не понимая, что это страх, а не желание.

– Будет молчать. Она слишком дорожит теми побрякушками, что я ей дарю.

– А дети?

– Пока обходятся дешевле жены. Им нужны только игрушки.

– Наверное, это страшно, жить с теми, кому ты не нужен?

Руки Маргуса ослабли, но не отпустили. Он развернул меня к себе, обнял лицо, заглянул в глаза.

– А ты, Илия? Тебе я нужен?

– Маргус, – я ласково обняла его ладони, поцеловала одну, потерлась щекой о вторую. – Ты хороший, добрый. Я знаю. Я вижу это. Ты…

– Ясно, – он так резко дернулся в сторону, словно держал

змею. – Тебе нужен только твой сын.

Я молчала. Потому что всех мужчин в мире променяю на сына. Мужчины мне не нужны – они приносят лишь боль, предательство, разочарование: мой отец, некоторые хозяева, у которых я работала, Маргус, но в первую очередь – отец Стэнли. Мне нужен только ребенок, которому, к счастью, нужна именно я, а не дорогие игрушки.

– Пожалуйста, – попросила я, подходя к мужчине, которого невольно обидела холодностью.

Я буду горячей. Я буду желать. Я сделаю все, как он захочет. Я буду жить в одном доме с его женой и детьми, если это поможет Стэнли.

– Пожалуйста, Маргус, – я взяла его за руку, прижала к своей груди, и прогнулась, имитируя удовольствие, когда он погладил меня по соску.

– Такая покорная, – удовлетворенно сказал он, и второй рукой намотал мои волосы на кулак. – Такая ждущая. Как бы я хотел, чтобы ты любила меня, чтобы ты желала отдаться мне просто так, ни на что не рассчитывая.

– Мне ничего не надо, – покорно кивнула я. – Только, пожалуйста, помоги моему сыну…

Он приподнял мое лицо, потянув за волосы, заглянул в глаза, и сказал:

– Поздно, Илия. Я бы хотел, но все уже знают, что он – демоненок.

– Нет, – горячо возразила я, и начала покрывать лицо

Маргуса поцелуями. – У него нет ничего от отца. Он обычный ребенок. Он – анкер.

– Мне жаль.

– Поверь, – уговаривала мужчину, целуя в упрямые губы, в задумчивые глаза, во впалые от усталости щеки, которые уже кололись щетиной. – Пожалуйста, поверь, он обычный ребенок. Он только мой сын, и все!

– Илия, – Маргус снова потянул за волосы, заставив оторваться от его губ, и посмотреть на него, – мне жаль, но сегодня твой сын на глазах у десятка свидетелей обернулся демоном.

– Нет… он…

– У него прорезались черные крылья.

Я отшатнулась, насколько позволяли волосы, намотанные на кулак Маргуса. Нет! Это не правда! Я бы заметила! Хоть раз, хоть какой-нибудь признак демонического я бы заметила в сыне!

– Как… – жалко выдавила.

И когда услышала ответ Маргуса, наверняка, рухнула на пол, если бы он все еще не удерживал меня.

– Это случилось после того, как я передал ему твои слова.

Мои слова… о том, что я люблю его…

А если бы Маргус не передал их?

Был ли шанс, что крылья не дадут о себе знать?

Мужчина обнял меня, погладил по спине, но я больше не чувствовала в себе сил притворяться.

Не смогу, не сумею изображать наслаждение и удовольствие, когда мой мальчик в беде, когда ему больно, когда он еще больше нуждается во мне, чем когда только попал в темницу, чем когда только родился и посмотрел на меня удивленными голубыми глазами, как бы спрашивая без слов: «Ты не убьешь меня, мама? Ты не убьешь?»

Я помнила день, когда у меня самой прорезались крылья. Мне было тринадцать, и я впервые увидела Арсура альх анкер Прранстoк, за которого мне предстояла выйти замуж по достижению восемнадцати лет. Высокий, взрослый, с солнечными волосами – ему уже было восемнадцать, но из-за моего юного возраста приходилось ждать целых пять лет, когда мы поженимся. Как же я злилась тогда, что такая малявка! Как же мне хотелось улететь следом за ним и его отцом, когда они отбывали, заключив помолвку и погостив у нас всего день.

Мне казалось это таким несправедливым, обидным, таким неправильным, я чувствовала себя никчемным угловатым ребенком, а мне ужасно хотелось быть взрослой и красивой, чтобы Арсур в следующий свой визит не пичкал меня детскими карамельками. А подарил пудреницу, как взрослой барышне. Или помаду. А лучше – поцелуй.

Мои эмоции от его отлета были такими сильными, что спровоцировали крылья прорезаться, но это я поняла позже. Пока же корчилась от дикой боли и силилась не кричать, чтобы не услышали слуги и чтобы не сказали папе, что я сла-

бачка. Я пролежала на полу довольно долго, судя по тому, что изрядно замерзла, а потом меня взяли на руки, и я услышала родной запах, который тут же узнала.

– Папа…

– Да, дочь.

– Папа, мне плохо.

– Я знаю. Я рядом.

Он был со мной рядом два дня, пока я металась в горячке. Он вытирал мой лоб прохладным влажным платком, и он не позволял мне лечь на спину, уговаривая потерпеть, и что потом будет можно лежать на спине, сколько угодно. Я слышала его голос и успокаивалась, потому что верила. Иногда я чувствовала, как в комнату входила Дитра, но она никогда не оставалась подолгу, и никогда не разговаривала со мной. Может, думала, что в бреду я ничего не слышу. Только раз я различила ее тихий вопрос, да и то не мне, а отцу:

– А когда у меня начнут прорезаться крылья, ты тоже будешь рядом?

– Конечно, – ответил он.

Но слово не сдержал. Не по своей воле, но не сдержал. Не так часто, но он перемещался в Ристет, чтобы обсудить с императором нечто конфиденциально, и так вышло, что один из его визитов совпал с тем, когда у Дитры начали прорезаться крылья. Кстати, несмотря на нашу разницу с сестрой в три года, крылья у нее начали прорезаться всего через несколько месяцев после моих.

Отец не смог так быстро вернуться, и с ней были я и маг, но Дитра в бреду настаивала, чтобы папа пришел, чтобы он был…

Прошло много лет, но я отчетливо помнила ту боль и беспомощность, когда прорезаются крылья. И почти безграничное желание, чтобы рядом был самый дорогой и близкий тебе. Я нужна своему сыну. Я очень нужна ему.

– Маргус, отведи меня к Стэнли, – попросила я.

– В камеру?

– Да. В камеру.

– Да они с удовольствием упекут и тебя вместе с ним!

– Пускай. Если Стэнли нельзя из камеры выпустить, я войду в нее.

– Сумасшедшая! Ты даже не представляешь, что там делают с заключенными! – взорвался Маргус, но замолчал, едва осознал, что сказал и кому. – Илия, мне жаль. Правда, жаль. Я знаю, как ты любишь своего сына. Но ему нельзя помочь. Единственное, чего ты добьешься – это… – Он замолчал, выпустил, наконец, мои волосы, нервно прошелся по прихожей и вернулся. – Не делай этого, Илия. Прошу тебя. Ты даже не представляешь, как сильно ты нужна мне. Не представляешь, на что я готов пойти, чтобы тебя удержать. Я спрячу тебя. Привяжу. Я украду тебя от самой себя. Пожалуйста, Илия. Ты ничем не поможешь Стэнли!

– Ты прав, – согласилась я.

– Я рад, что ты поняла, – облегченно выдохнул он.

– Спасибо, что все объяснил.

– У Стэнли не было шанса выжить еще когда он только бросился спасать демоницу. Но когда оказалось, что он сам – демон…

– Я понимаю.

Маргус обнял меня, не крепко, просто жалея, даря крупицу тепла. Но от его тепла мне было холодно.

– Ты хотел чая, – вспомнила я, и прошла на кухню.

Маргус направился было за мной, но я попросила его снять обувь, и он замешкался. Этого времени мне хватило, чтобы добавить в заварник смесь сонных трав, и когда руки Маргуса обняли меня со спины, я обернулась без страха, провела рукой по красивому лицу. Если бы все сложилось иначе, кто знает, к чему привели бы наши отношения? Быть может, я бы стала в итоге его любовницей – в обмен на защиту для сына.

Чайник вскипел, я заварила травы, а Маргус, пользуясь моей податливостью, целовал мое лицо. Впервые я радовалась, что одежда корри такая закрытая, и мужские губы не прикасаются к моей шее. Его руки пытались возбудить меня через платье, я притворялась, что им это удается, пока чай не настоялся.

– Успокоительный сбор, – пояснила я в ответ на подозрительный взгляд мужчины.

Он принюхивался, и не решался пить. Да, начальником стражи он стал не просто так – у него чутье, этого не отни-

мешь.

– Мне нужно успокоиться, – я первой сделала глоток, и еще один, и еще.

Эти травы не действовали на меня. Я так нуждалась в них, когда все было плохо, валилось из рук и казалось, что нет просвета. Мне нужны были хотя бы спокойные ночи, а травы не помогли. Но на других срабатывали почти мгновенно. Как-то ко мне заглянула в гости пухленькая соседка. Она догадывалась, что к чаю у меня ничего нет, и потому захватила с собой добрую часть пирога с капустой, но она и подумать не могла, что у меня нет самого чая.

Тогда я вспомнила о травах и заварила их. Мы только сделали по глотку, когда соседка моргнула, закрыла глаза и начала падать со стула. Я едва успела подхватить ее, чтобы она не разбила лицо…

Я уповала надежды, что так же чай подействует и на Маргуса, но он выпил почти целую кружку, а сон его не брал.

– Еще? – спросила я, но он качнул головой, сильно обнял меня и зашептал, как долго ждал, когда мы сможем побыть вдвоем, как долго ждал, когда я отвечу на его поцелуи, как долго… и мне надо обязательно надеть новое платье, оно такое… открытое… и для его глаз… как долго ждал…

Когда мужчина обмяк и повис на мне, я крякнула от тяжести его веса, и с трудом подтолкнула к стулу.

Маргус привалился головой к стене, и сидел умиротворенный, у него даже разгладилась морщинка на лбу. Ну что

ж, ему тоже не помешает немного успокоиться и отдохнуть.

Я почти вышла из кухни, когда услышала едва различимое бормотание. Приблизившись на цыпочках, склонилась над мужчиной – вдруг ему плохо? Я не хотела его смерти, мне просто надо, чтобы он не мешал.

– Пожалуйста, – услышала я, и вдруг Маргус схватил меня за руку, но продержав всего секунду, отпустил.

Видимо, сон сморил его не сразу, и он понял, что я собираюсь сделать. Пытался удержать из последних сил, но не смог…

– Я тоже просила тебя, Маргус, но ты меня не услышал, – шепнула я уснувшему мужчине, и выскользнула из дома.

Глава 4

Улица встретила меня темнотой, ветром, разметавшим мои волосы, и горстью пыли в лицо. Сколько ни убирай эту улицу, она всегда остается пыльной, словно уверяя, что бедный район не может быть чистеньким, как у легал, к примеру.

Я быстро прошла к главной площади, где уже ничего не указывало на недавнее присутствие демоницы. Но ноги привели меня к помосту, и какое-то время я стояла там, впитывая запахи страха, обреченности, узнавания, снова обреченности, мелькнувшей надежды и страха, но уже не за себя – за другого. И это еще раз убедило меня, что Ру не изменилась. Все ее эмоции прошли через мой внутренний взор, но самой сильной ее эмоцией был страх за другого – за моего сына.

Она понимала, что он не сможет спасти ее, а только навлечет на себя неприятности. Что пытался сделать Стэнли? Как он планировал спасти демоницу? Отвлечь стражу? Но там простофиль не держат, да и демоница была в цепях.

Мой маленький смелый мальчик…

Я вдохнула глубже, и поняла, что мне надо идти вправо. Почему-то вправо, хотя Маргус уверял, что Стэнли в темнице. Но тогда бы запах моего сына шел с левой стороны!

Пустынный город не мешал моим поискам. Я двинулась вправо, поначалу неуверенно, но постепенно с шага перехо-

дя на бег.

Стэнли!

Главная площадь осталась позади, я пробегала один район корри за другим, чувствуя, что здесь проводили его, и, задыхаясь от скорости, в итоге выскочила у подножья Миндальной Долины.

Перевела дыхание, осматриваясь, здесь было слишком много запахов, они сбивали меня, путали, они словно не хотели, чтобы я нашла сына, хотя я чувствовала, что он где-то близко.

Закрыв глаза, попыталась сосредоточиться и узнать, где сын. Миндальная Долина слишком просторна, даже будь у меня крылья, я не облетела бы ее к утру. А между тем, до рассвета оставалось от силы несколько часов. К тому же, я не знала, сколько еще проспит Маргус.

На этот раз он меня не отпустит. Из-за любви или из-за того, что принимает за любовь, но он будет держать меня рядом.

Сильный ветер, до этого мешающий, бьющий по лицу то сухими веточками, то пылью, то моими же длинными волосами, на этот раз помогал. Он принес ко мне запах моего сына вместе с его эмоциями – злость, сильная злость, боль, и ни капли страха.

– Стэнли, – открыв глаза, я повернула голову вправо.

Он там. Мой мальчик там. Но я не успела сделать и шага, когда увидела зарево на горизонте. Оно росло, оно плавило

черное небо красными всполохами. Оно изрыгало огонь, и перчило тишину чужими криками.

– Стэнли!

Я бросилась вперед, мечтая только об одном – успеть, успеть! Пусть я погибну вместе с ребенком, но я хотела успеть увидеть его живым!

Мое дыхание вырывалось с хрипом, ветер уже не мог остудить мое лихорадочно горящее лицо, но он снова помог мне – подгоняя в спину, когда ноги уже не держали, плюя в меня первыми каплями срывающегося дождя.

Откуда дождь?

Почему, если минуту назад им даже не пахло?

Не было времени задуматься. Не было времени лежать, когда колени подогнулись, и я упала на землю, на красивую, плодородную землю Миндальной Долины. Душой пожалела, что у меня нет больше крыльев, и тут же устыдившись этого, поднялась и побежала дальше. Но резко остановилась, когда закружилась голова. Я слишком быстро бегу? Но мне надо! Я должна, пожалуйста…

Я снова попыталась бежать, и снова вынуждена была остановиться, когда перед глазами заплясали мутные точки.

Это не могло быть правдой, но… похоже, сонные травы, наконец, на меня подействовали!

Но я не могла спать, не могла отдыхать, когда мой сынок в опасности!

Пожалуйста, пыталась я договориться с собой, еще чуть-

чуть, а потом… Я буду спать, долго, я обещаю. Могу даже не просыпаться, если так надо, мне бы только найти моего сына…

Глубокий вдох, уговоры или передышка подарили немного времени и сил, и я смогла двинуться дальше. Уже не так быстро, но все же. А услышав, наконец, голос сына, я даже смогла ускориться. Но выскочила на поляну, усеянную перьями легал и жабьими шкурами только чтобы увидеть, как мой сын лежит в костре и хрипит в предсмертных судорогах.

– Стэнли!

Кто-то пытался меня перехватить, но я бросилась к огню и попыталась вытащить из него сына. Он корчился от боли, стонал, но уже еле слышно. Мой мальчик почти охрип от криков.

– Стэнли! – крикнула я вместо него. – Не бросай меня, Стэнли!

Мой мальчик открыл глаза и прошептал треснувшими от пламени и боли губами:

– Мамочка… ты пришла…

– Помогите! – я обернулась, но двое легал, стоящие в нескольких шагах от меня даже не вздрогнули. – Помогите! Он же – ребенок!

– Он – демон, – отрезал один из них.

– А ты, значит, его мать? – с презрением поинтересовался другой. – Выносила демонское отродье, пригрела в нашем городе, и хочешь, чтобы мы теперь спасали его?!

Он сплюнул на землю и взмахнул белыми крыльями.

– Сынок, – я протянула руку в огонь, попыталась выдернуть из пламени сына, но у меня не вышло.

Я снова попробовала – снова не вышло! Но как? Почему? Я не могу оставить его… И вдруг я поняла… Я поняла, что огонь не обжигает меня. И не трогает Стэнли.

Мой мальчик выглядел ужасно, у него было разбито лицо, губы треснули, обуглились ресницы, его руки казались безвольными нитями, ноги были неестественно вывернуты. Но это сделал не огонь, а те, кто увел моего сына с площади. Возможно, эти легал. Или те жабы, от которых остались только камзолы и пепел.

– Сынок, – склонилась ниже, чтобы нас не расслышали легал, и чтобы они не поняли нашу тайну с огнем, – сынок, пожалуйста, ты должен услышать меня. Стэнли, мальчик мой… Ты можешь спастись. Ты должен спастись, слышишь?

– Мамочка, – тихий шепот, – ты…

– Я справлюсь. За меня не волнуйся. Я хочу, чтобы жил ты, слышишь? Для меня самое главное, чтобы жил ты…

Стэнли открыл глаза темно-черничного цвета. Именно такие, как у его отца. Я видела, как тяжело ему было сконцентрироваться на том, что я говорю, как тяжело ему было бороться с демонической сущностью, которая вдруг проснулась.

– Стэнли, ты должен сосредоточиться. Сосредоточиться,

слышишь? Сосредоточиться и позвать своего отца. Он услышит твой зов и поможет.

– Отец?

– Да, мой родной. Позови его. Он должен тебя услышать. Позови его – я научу как, я подскажу тебе…

Склонившись еще ниже и почти соприкасаясь лицом с пламенем, я начала шептать слова на древнем языке нашего народа, вплетая в них имя демона с темно-черничными глазами. Не думала, что пригодится, что придется прибегнуть к этому, но пусть будет хоть какая-то польза от тех знаний, что погубили меня.

По мере того, как я говорила, ветер усилился, огонь начал трещать громче, а легал словно почувствовали, словно поняли, что я делаю, и попытались оттолкнуть меня от сына. Когда не вышло – попробовали закрыть мне руками рот, но я сильно укусила одного из них за пальцы, и выкрикнула сыну последние слова для вызова демона.

А мой мальчик, мой смелый и умный мальчик успел повторить их до того, как меня все-таки от него оторвали.

Один из легал с силой ударил меня по лицу, второй повалил на землю и начал бить ногами. Было больно, но не страшно. Уже не страшно. Потому что я почувствовала, как пламя за спиной становится тише, как падает жар, увидела росчерки молнии, ударившей в ближайшее дерево, и еще успела увидеть, как падают вокруг меня белые перья легал.

– Твой сын… – пояснила я двум омутам из огня, которые

уставились на меня.

И только после этого, зная, что теперь со Стэнли все будет в порядке, позволила сонным травам увести меня в мир снов.

Там было хорошо и спокойно, там было так весело, что я даже смеялась. Смеялась так, как смеются юные девушки, верящие в любовь, защиту, в вечную дружбу… А главное – я парила… снова парила… Мимо проносились белые облака, а крылом я ловила солнечные лучи… Мне было прохладно и так хорошо, что не хотелось прерывать полет, но голос… чей-то настойчивый и знакомый голос звал меня… Он просил, умолял, чтобы я вернулась… Пожалуйста… пожалуйста, просил голос. Но как же мне опротивело это слово! От него никакого толка… Оно не спасает, не помогает, это пустое слово, и оно не заставит меня вернуться туда, где у меня нет белых крыльев, туда, где ко мне прикасается тот, кого я не хочу, туда, где у меня нет выбора и я никому не нужна.

А здесь я могла летать, могла вернуться к отцу, могла посмотреть на сестру – изменилась ли она? Уж выросла – это точно. Голос звал, но крылья… я не могла отказаться от них…

– Маргус, нет, – ответила я голосу, и полетела дальше, еще дальше.

Я приближалась к горячим солнечным лучам, которые не обжигали меня, а баюкали, но голос снова позвал – глухой, едва различимый, и вдруг я расслышала одно слово:

– Мамочка!

Самое важное слово, которое только может услышать мать.

И я вспомнила. И полетела обратно.

И поняла, что у меня крыльев нет, но… И не надо!

– Стэнли, – я открыла глаза и через минутное помутнение увидела над собой склонившегося ребенка.

Живой, ресницы длинные, следы от побоев еще остались, но уже не были такими пугающими. И главное – мой мальчик гладил меня по лицу, а значит, с руками у него все хорошо. Хотела и я погладить его по темноволосой макушке, но мои руки не поднимались, а все тело откликнулось болью, невольно вызвавшей стон.

– Мамочка, тебе лучше пока не двигаться, – сказал Стэнли.

– Хорошо, – улыбнулась поучительному тону.

– Те подонки тебя сильно избили! – голубые глаза сына потемнели до синих. – Но ничего, они больше никого не обидят!

Мне не было жаль тех легал. Не было жаль мужчин, которые избивали ребенка, которые избивали меня.

– Где мы?

– Выпей, – сын приподнял мою голову и заставил сделать глоток чего-то приятно-карамельного, напомнившего мне конфетное детство. – Это тебе поможет.

Я послушно осушила чашку и откинулась на подушках.

Повернув голову, увидела незнакомую комнату, взиравшую на меня огромным окном, впускающим через стекла сумерки, зеркалом со старинного трюмо и рыже-языкастым камином. На полу лежал пушистый темно-синий ковер, на нем стояла вместительная кровать, где лежала я, и стояло кресло, в котором сидел Стэнли. Мой Стэнли – живой…

– Мы у папы, – сын погладил мою руку, лежавшую поверх теплого одеяла и невесомо, словно опасаясь, что причинит новую боль, поцеловал ее.

– Он… – слова давались тяжело, взамен они воровали дыхание и сжимали внутренности калеными тисками, но сын меня понял.

– Он хорошо со мной обращается, не волнуйся, пожалуйста.

– Ладно, – улыбнулась.

Если мальчику здесь хорошо, я выдержу даже это.

– И с тобой он тоже будет хорошо обращаться, – пообещал сын.

Я опять улыбнулась и постаралась, чтобы он мне поверил.

– Отдыхай, – оглянувшись на закрытую дверь, сказал Стэнли. – Поспи, теперь тебе можно, потому что ты вернулась. Поспи, мамочка. Не волнуйся за меня. Отец меня не обидит.

Я закрыла потяжелевшие веки и окунулась в сон, в котором снова летала – догоняя облака, позволяя целовать себя солнцу. А рядом со мной летал красивый молодой человек,

и волосы его цветом своим затмевали светило. Арсур альх анкер Прранстoк… Это был наш первый совместный полет, за которым с теплыми улыбками наблюдали родственники с его и моей стороны…

Мне было почти семнадцать, и я впервые услышала, что красивая. Даже не так – я впервые услышала, что Арсур считает меня красивой…

День, который я никогда не забуду…

День, который больше не повторится…

Я проснулась с глубоким чувством утраты, но постаралась избавиться от него. Слишком поздно. Причем, слишком поздно было уже десять лет назад, к чему сейчас вспоминать?

Я повернула голову, но кресло было пустым. Глянула на окно – сумерки. Те же сумерки или прошли сутки с моего предыдущего пробуждения? В Наб не бывало рассветов, солнца, всего два времени суток – ночь и сумерки. Всегда темнота или мрак. Но в комнате над потолком кружилось несколько магических светлячков, пахло цитрусовыми и активно трещал камин. В этом замке почему-то всегда прохладно, даже несмотря на жаркое лето и огненную сущность хозяина. А цитрусовые – почему? Заметила на высокой подставке блюдо с фруктами, и поняла. Стэнли… Переживает, чтобы я скорее поправилась, и намекает, что надо есть витамины.

Кстати, несмотря на слабость и отголоски боли, действи-

тельно хотелось есть. Лучше бы мяса, но я не в таких отношениях с хозяином замка, чтобы качать права или просить. Медленно приподнялась на подушках, и только потянулась к оранжевому фрукту, приглянувшемуся своей соковитостью, как в дверь отрывисто постучали. Не дождавшись ответа, в комнату зашла высокая стройная девушка лет семнадцати или даже моложе. В длинном закрытом платье, темном, как выдавали нам для работы в замке герцогини, с завязанными в тугой узел светлыми волосами. Красивая девушка, юная, вполне во вкусе хозяина замка.

– Здравствуйте, – девушка подошла к кровати, не стесняясь, рассматривая меня и морща курносый носик. – Меня зовут Альта. Пока вы болеете, я назначена вашей помощницей.

– Интересная должность.

– Горничной, – с неудовольствием поправилась девушка.

– Альта, мне не нужна горничная.

– Приказы хозяина не обсуждаются. Вот уйдете из замка – делайте, что хотите, а сейчас… Вы хотите есть?

Уйдете из замка… Ну да, конечно. Уйду.

После слов Альты аппетит пропал, и единственное, о чем я попросила – оставить меня одну. Окинув меня снисходительным взглядом, девушка вышла, а я свернулась в клубочек, подтянув к себе колени. Так лежать было больно, но я и добивалась боли, чтобы она напомнила мне: расслабляться нельзя, нельзя забывать, где я и в чьей нахожусь власти.

Демон не тронет сына, но я… Что он сделает с той, которая столько лет прятала от него ребенка? С той, которая посмела сбежать?

В принципе, Альта не сказала ничего плохого – просто оговорилась, что без меня в замке станет лучше. Не собиралась же я оставаться здесь, в самом деле? Так что все правильно, я уйду. Куда – я не знала, но какое это имеет значение?

Главное, что со мной Стэнли, мы опять будем вместе.

Я безумно скучала по сыну, но он не приходил, и тогда я медленно, с длинными перерывами, начала подниматься с кровати. Слабость притупляла боль, и у меня получилось, держась за спинку кровати, встать.

И только сейчас я поняла, что я в длинной полупрозрачной сорочке – моего размера, но не моей.

Может, она принадлежит Альте, и потому мой визит ее так не радует?

Окинув комнату взглядом, не заметила своего платья. Не было ничего из одежды. И что же? Ждать?

Я хотела увидеть сына, убедиться, что с ним все в порядке, я хотела обнять его, осыпать его лицо поцелуями. Только сейчас, отойдя от сонных трав и карамельной настойки, я, наконец, осознала, что он действительно жив… что мы оба живы… что нам удалось вырваться…

Бросив единственный взгляд в зеркало у трюмо, отвернулась. Не лучшее зрелище – бледная, с синими от ударов

предплечьями, наверняка, тело, хоть и кое-как, но скрытое сорочкой, тоже под цвет ковра. Пустяк. И взлохмаченные волосы беспокоили меня мало, и разбитые губы, и без разницы было на отсутствие платья.

Доковыляв до двери, открыла ее и вышла в темный коридор. Ни единой свечи, не говоря уже о светляках или магическом свете. И пусть зрение у меня было немного лучше, чем у людей или корри, до демонического ему далеко, поэтому я оставила дверь приоткрытой и чтобы не распугивать своим появлением обитателей замка, зажмурилась, сосредоточилась и попыталась уловить запах Стэнли.

– Вернись в комнату, – услышала над собой грозный голос, пробравший до дрожи, до судороги в ногах, до онемения пальцев.

Голос, который я мгновенно узнала, и который долго преследовал меня в моих снах. Голос, который я ненавижу. Который боюсь. Который хотела бы никогда больше не слышать.

Я невольно зажмурилась сильнее, но даже так точно знала, чувствовала и почти четко видела, что надо мной нависает он – мой кошмар, мое прошлое, мой позор. Черный огромный демон с изогнутыми рогами и словно пунктиром прочерченными огнем крыльями, с которых иногда осыпаются искры.

– Вернись в комнату, Илия, – не просьба, приказ, и голос демона стал еще суше.

Развернулась, только тогда открыла глаза и, придерживаясь за дверь, зашла в комнату.

Он шагнул следом.

Я не слышала его дыхания – не знаю, умел ли демон дышать. Не слышала его запаха – никогда, даже во время близости. Я только слышала, как шипят, осыпаясь на пушистый ковер, с его крыльев искры. Но пожара не будет. Я проверяла. Наверное, сущность хозяина не только пылала огнем, но и легко его контролировала.

Дверь за нами закрылась.

– Вижу, ты уже хорошо себя чувствуешь?

– Если передвижение с помощью стенки – это хорошо, то да.

– Если ты смогла подняться и выйти из комнаты, чтобы соблазнить кого-нибудь из моих слуг, ты уже выздоровела, – парировал демон. – И, не опасаясь за твое хрупкое здоровье (все-таки я пообещал сыну тебе не вредить), мы можем поговорить.

Собрав волю в кулак, я обернулась, но тут же качнулась, почувствовав противную слабость. Надеюсь, что не от страха. Я не хотела показывать страха перед демоном, но, думаю, оба мы знали, что, несмотря на жалкие попытки бравады, я боялась его.

Он не бросился мне на помощь (никто и не ожидал), и я неловко опустилась на пушистый ковер. Глянула вверх – на черном лице демона не читалось ни единой эмоции, но

мне мерещилось удовлетворение, чувство превосходства, и я с трудом поднялась, чтобы встать напротив него.

Голова кружилась, перед глазами плясали круги, ноги дрожали, лицо горело, но я не хотела, чтобы он видел меня на коленях. Никогда. Ни один мужчина больше…

– Не изменилась, – сказал демон, внимательно следя за моими попытками казаться сильной, несломленной.

– Не изменилась? – я усмехнулась.

У меня больше не было крыльев, не было веры, и я стала старше на десять лет.

– Если бы все можно было вернуть назад, ты бы снова сбежала и украла моего сына, ведь так?

– Если бы что-то можно было вернуть назад, – едко сказала я, – я бы сделала все, чтобы мы с тобой никогда не пересеклись.

– Тогда бы у тебя не было Стэнли.

– Был. Он был бы, только от другого мужчины.

– Того мальчишки, который от тебя отказался?

– Того, кому я… изменила с тобой.

– Ты все еще уверена, что он любил тебя.

– А ты уверен, что меня любить невозможно.

– Невозможно… – повторил демон, и замолчал, испытывая меня огненным взглядом.

– Где Стэнли? Я хочу его видеть.

– На тренировке.

– На какой тренировке?

– Он учится управлять своей сущностью. Хочешь его увидеть?

– Да.

– Тогда оденься, я не потерплю разврат в своем замке.

Прежде чем я успела ответить, у моих ног упало длинное темно-синее платье. Посмотрев в спину уходящего из комнаты демона, я быстро скинула с себя ночную сорочку, и поборов приступ тошноты, подняла платье. Глухое, как у девушки, которая объявила себя моей горничной, но чистое и без посторонних запахов – уже хорошо. Переодевшись, я вышла из комнаты. Демон не ждал, его силуэт я различила уже в конце коридора, и мимолетно отметила, что время его не щадит – раньше он передвигался гораздо быстрее.

Снова увидела его на повороте – он спускался на этаж ниже, потом спустился еще на два этажа. Подвал? Я шла следом, значительно отставая, но стараясь не терять его и не потеряться самой. Свернув после очередного пролета, я едва не налетела на черную спину.

– Дошла? – демон толкнул дверь, у которой остановился, зашел внутрь.

Я последовала за ним, и…

Замерла. Мое и без того неровное дыхание оборвалось. Глаза расширились от удивления, восторга, радости и невольного страха. Шагнув вперед, я остановилась. А вдруг помешаю? А вдруг все испорчу? А вдруг в этот момент нельзя?…

Мой мальчик… мой любимый мальчик, которого сердце узнало даже в демонической сущности, стоял напротив серокожего демона, склонив темноволосую голову с двумя изогнутыми рогами, и внимал наставлениям. Его учили летать, его учили владеть крыльями, его учили сдерживать демоническую сущность.

Мой мальчик…

Я быстро смахнула слезы, чтобы не мешали… не мешали мне видеть, что я не ошиблась! Что мне это не кажется! Мой мальчик… маленький демоненок… с огненными, как у отца крыльями… он стоял… Не сидел на стуле с самодельно приделанными колесиками, а стоял, выпрямив гордо спину, и на своих ногах…

– Стэнли, – я всхлипнула от переполнявшего коктейля эмоций, где главенствовал страх.

Страх, что мне это кажется, что я сплю…

Хотела позвать сына громче, потому что он не услышал, но не успела. Демон, стоящий рядом со мной, схватил меня за руку и вытолкал из комнаты. Дверь закрылась, отрывая меня от сына и как будто воруя короткое счастье.

– Мельхас, – голос надломился, не желая произносить вслух имя демона, – позволь мне подойти к сыну…

Но, как и много лет назад в ответ на единственную просьбу, я услышала ледяной и короткий ответ:

– Нет.

Как и много лет назад, спустя паузу в целую жизнь, после-

довало не менее холодное и пугающе неверное пояснение:

– Я наблюдал за тобой. Ты не смогла принять его демоническую сущность. Ты не приблизишься к моему сыну.

Глава 5

Сначала я подумала, что ослышалась, но когда, схватив меня за предплечье, демон перенес меня в комнату, где я спала, поняла, что нет! Он действительно думает, что я не приняла демоническую сущность сына. Моего сына!

– Ты с ума сошел, – сказала я демону, взирающему на меня черничными глазами. – Я принимаю Стэнли любым. Любым, слышишь?

– Даже удивительно похожим на меня?

Демон забавлялся, несмотря на спокойный тон. Его глаза не выражали ничего, но он забавлялся.

Я могла бы гордо заявить, что нет, это ложь, Стэнли на него не похож, но, по меньшей мере, в демонической сущности они были как две капли воды. Мой мальчик, конечно, пока не подпирает высокий потолок длинными рогами, но достаточно рослый для своего возраста, и черный цвет крыльев, с огненными проблесками в них, и черное тело его второй сущности – это от Мельхаса.

Я могла бы язвить, пытаться обидеть, но демоны не способны чувствовать. По крайней мере, тот, что стоял напротив меня черной скалой – так точно. Я проверяла. Слова для него ничего не значат. Он их не слышит, если ему так удобно.

– Будь он даже похож на моего отца, это не имело бы для меня никакого значения, – сказала я, и не соврала.

Иногда мой сын удивительно напоминал своего деда. Упрямством, сильным характером, несгибаемой волей, иногда нечто похожее мелькало в его жестах, иногда я улавливала до боли знакомые интонации. И это с учетом того, что Стэнли и дед никогда не виделись.

– Твой отец плохо обошелся с тобой, – принял ответ мой демон.

– Не тебе судить.

Он промолчал, позволяя думать мне, что угодно. А я смотрела на искры, которые падают с его крыльев на синий ковер, но тот не загорается, и думала, что все это уже было однажды.

Однажды я так же стояла напротив демона, мы говорили (по крайней мере, пытались), на пол сыпались искры, но пожар бушевал между нами. Я горячо убеждала, что не виновата, что не хотела, что это не я…

А искры сыпались, как огненные снежинки, и еще до того, как демон ко мне подошел, я поняла, что пропала… сгорела… что прежней меня больше нет…

– Я хочу увидеться с сыном, – вынырнув из воспоминаний, сказала я.

– Ты не в том положении, чтобы требовать.

– Я хочу увидеться с сыном.

– Ты ничему не учишься, Илия, – он сделал шаг и навис надо мной, ковер под нами зашипел от вороха огненных искр, но послушно впитал их. – Нельзя разговаривать с де-

монами так. От них нельзя требовать. Им нельзя угрожать. И еще, самое главное, пожалуй – от них нельзя убегать с их ребенком! Да, и не пытайся вернуться туда, где мы только что были – я сделал в замке магическую перестановку, и комнату ты не найдешь, просто заблудишься и умрешь от голода. Ты, конечно, можешь попытаться найти сына по запаху, но я запутал его следы, поверь, и твои поиски приведут опять к тому же – ты заблудишься и умрешь от голода. А у меня и без того хватает привидений, не разбавляй мне коллекцию.

Сказав это, демон исчез, а я осталась одна, глядя в пространство перед собой, и ничего не видя, понимая, что мне снова придется бежать. Бежать из этого замка. Но уже не одной. Я не могла бросить Стэнли. Я просто не могла без него.

Но плакать не стала. Чему я точно научилась – демоны ненавидят слезы. Слезы – слабость, а они признают только равных или более сильных. Других вычеркивают из своей жизни, причем разными методами.

Я подошла к окну и долго смотрела на пустырь, тонущий в вязких сумерках. Ни одного фонаря у замка – естественно, к хозяину не ходят те, у кого слабое зрение. Хозяина вообще редко тревожат. За два месяца, что я провела тогда в замке, я видела только Мельхаса, да и то он показывался лишь в демонической сущности, наверное, думал, что так я быстрее пойму и смирюсь, быстрее упаду духом и сдамся.

Он думал, что подавил меня, я притворилась, и уличив возможность, сбежала. Впрочем, как оказалось, сбежала из

одного плена в другой. Отец, которому я все рассказала, запер в комнате, приставил своего человека, и ко мне были допущены только горничная Дженни, да и то она была из новых – чтобы не помогала; и маг, который, сделав осмотр, подтвердил мои подозрения.

Моя беременность привела отца в бешенство, и мою комнату, разгромленную им в порыве гнева, полностью обновили в течение недели. А пока шел ремонт, я жила в маленькой комнате Дженни, и девушка не знала, куда прятать глаза от стыда за моего отца.

– Не переживай, – сказала я ей, когда она, стесняясь и извиняясь через каждое слово, предложила спать на своей узкой постели, а сама легла на пол за неимением другого спального места, – я не из прихотливых.

Я скинула на пол ее одеяло, чтобы девушка не простудилась, но мне стоило труда уговорить Дженни лечь на него.

– Но, госпожа, – лепетала она, краснея, – так нельзя…

Утром я проснулась под одеялом, и разделила с Дженни свой завтрак. Кормили меня все еще хорошо, как дочь хозяина, и Дженни говорила, что никогда так плотно не ела. У нее потом полдня ныл живот, но она была довольна, что попробовала столько новых блюд.

Неделю Дженни провела со мной в маленькой комнатке, почти не выходя, потому что мне запрещалось, и она не хотела оставлять меня одну. А когда все-таки выходила, приносила короткие сообщения от моей сестры.

– Она сказала, что ей очень жаль… – запинаясь, принесла девушка от Дитры первую весточку. – Жаль, что вы так… оступились.

Я долго хохотала, услышав это. Я оступилась. Я! А когда горничная, спустя несколько дней принесла еще одну весточку от сестры, я выслушала спокойно, потому что уже ничего не ждала.

– Она сказала, что ей жаль, что из-за позора, который вы навлекли на семью, не сможете присутствовать на ее помолвке с Арсуром альх анкер Прранстoк. Ей бы очень хотелось, чтобы вы это увидели.

Но Дитра ошиблась. Или просто недооценила нашего отца. Он хотел, чтобы я поняла, что потеряла. Хотел, чтобы я поняла, что сама лишила себя счастливого будущего. И он велел охраняющему меня стражнику привести меня в смежную с залом для приемов комнату. Там, через маленькое мозаичное окошко, я наблюдала, как моя сестра крадет у меня жениха, и как мой жених с улыбкой помогает ей это сделать.

В этот момент Дитра мало напоминала мою юную и такую неопытную сестру, она даже не выглядела на свои четырнадцать лет. Она казалась умудренной, опытной, взрослой девушкой, к тому же, довольной, как сытая кошка.

Я плакала. Не сдержалась, при охраннике, при горничной – плакала, избавляясь от глупых надежд, что Арсур поймет и спасет меня из домашнего плена. Но нет, у него появилась другая, блистательная в облегающем голубом платье… моя

сестра.

– Ты очень красивая, – сказал он ей. – Я тону в твоих бездонных глазах.

Он не был изобретательным, он повторялся – именно эти слова он уже говорил мне. Но Дитра поверила ему, как и я, и ее лицо озарилось улыбкой.

Наивная. Невинная. Наверное, это было главным, что Арсур ценил в девушках. И ничего этого у меня больше не было.

Поздно вечером этого же дня отец пришел в комнату Дженни, чтобы сказать, что я могу вернуться в свою. Когда я вернулась, обнаружила на окнах решетки, но сил удивляться не было.

– Боишься, что я улечу? – только и спросила отца. – Думаешь, если бы я хотела улететь, меня бы остановили решетки?

– Нет, – ответил отец.

Что – «нет», он не пояснил. Прихватил две шкатулки с моими драгоценностями и вышел. А еще через несколько часов, когда я уже легла в постель, дверь открылась и ко мне в комнату вошли отец и маг.

Я судорожно прижимала к груди одеяло, не понимая, зачем в моей комнате посторонний ночью? К тому же, маг?

– Илия, ты права, решетки тебя не удержат, поэтому сейчас маг проведет обряд, и лишит тебя крыльев.

– Что?… – выдох, и то не уверена, что он прозвучал в комнате.

Я слышала только свое лихорадочно бьющееся сердце и дождь за окном. Он плакал… Такое ощущение, что дождь знал заранее и плакал над крыльями, которые я потеряю…

Не верила, что это происходит на самом деле. Не верила, что мой любимый отец, мой самый надежный мужчина, способен лишить меня крыльев, свободы, радости от полетов! Ведь анкер без крыльев – пыль, ничто. В отличие от легал, анкер, лишившись крыльев, выживет, но… Анкер без крыльев – что человек без души.

– Папа, нет! – умоляла я. – Папа, пожалуйста!

Но отец не меняет решений.

Маг приблизился, я спряталась под одеялом, даже зная, что это меня не спасет. Это в детстве одеяло, если в него укутаться, может скрыть от кошмаров, а сейчас оно как и я, бессильно.

Но я все еще надеялась… Надеялась до того момента, пока мое тело не свело судорогой, и между лопатками пронзила такая боль, словно меня живьем засунули в пламя камина или меня вдруг пронзила молния, сверкнувшая за окном.

– Мне жаль, Илия, – сказал отец перед тем, как покинуть комнату вместе с белым пушистым трофеем в руках, с которого громко стекала капель из моей крови. – Но ты сейчас не достойна иметь белые крылья анкер!

После ухода отца и мага, в комнату вбежала встревоженная Дженни. Я слышала ее голос, чувствовала ее руки труженицы, которыми она старалась по возможности осторожно

намазать целебной мазью мою спину. Чтобы быстрее спрятать следы преступления отца. Чтобы даже шрамов не осталось от моего прошлого, где я умела летать.

– Что еще, госпожа? – участливо спрашивала девушка. – Скажите, что еще для вас сделать?

– Помоги мне сбежать, – попросила я, впрочем, зная, что это невозможно, что она не в силах помочь мне.

Я пленница. Я чужая в доме отца. Я – анкер без крыльев. Никто.

– Ох, госпожа, – сочувственно вздохнула горничная.

– Забудь, – сказала я ей, чтобы не тревожить ее сон, чтобы не нагружать своими несбыточными мечтами.

Она ушла, а я, скинув с себя одеяло и разорванную на спине сорочку, медленно подошла к зеркалу, оглядывая себя новую.

– Мы справимся, – шепнула я, положив руку на свой живот. – Мы справимся, маленький.

Я подошла к окну, за которым разгулялась гроза, с завистью глядя, как парят молнии в небе и как смело полосуют его. Огненные и свободные, они манили меня, звали за собой, прочь из душного замка! И я старалась придумать, как мне бежать? Как спасти своего ребенка, пока еще есть возможность?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.